

С. Н. АРТАНОВСКИЙ,

профессор кафедры теории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук

РОДИНА КАК САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В энциклопедиях и толковых словарях понятие «родина» определяют как место, где человек родился. Это поверхностное и неточное определение. Человек может родиться в самой отдаленной части света, куда судьба занесла его родителей, — например, они могут работать в дипломатическом представительстве своей страны где-нибудь далеко от нее — но родина его будет там, где живет его народ и на той территории, на которую распространяется юрисдикция его государства. Родина — это территория, но не просто территория, а заселенная и освоенная каким-нибудь одним народом. Границы этой земли в целом совпадают с границами государства — или должны с ними совпадать.

Родина там, где эта *территория* освоена — на ней построены храмы, крепости, хозяйственные объекты. Вместе они образуют *родное* культурное пространство.

Но характерное для каждого народа культурное пространство еще не составляет *родины*. Родина в полном смысле появляется тогда, когда она освящается рядом санкций. К этим санкциям относятся память о предках, чьи могилы находятся на этой территории, Боги, относящиеся к данному региону, или Бог, в более поздние времена, единый для ряда стран, Бог, благословляющий данную страну, его

характерный культ, становящийся символом родной страны. В сакрализации страны и ее превращении в *родину* участвуют фольклор, литература, искусство, в развитой цивилизации — философия.

Если обратиться к аспекту пространства как территории и посмотреть на исторический процесс сакрализации этого пространства, то мы увидим в нем определенные закономерности.

Поселяясь на данной территории, человеческие группы — древние роды, племена, народы — осваивали ее. Они строили на ней дома, хозяйственные объекты, храмы. В древних и средневековых обществах наибольшее значение придается зданиям и примыкающим к ним площадям, связанным с религиозным культом. Храмы древности, соборы и церкви Средневековья образовывали систему, которой отводилось лучшее, центральное место в поселке и городе. Это была сакральная часть городской архитектуры, сакральное пространство. Если первоначально к сакральному пространству относились культовые постройки, то позже к ним прибавились другие сооружения, значение которых для жизнедеятельности сообщества представлялось существенным. Одним из первых в этом ряду был *кремль*, с которым ассоциировалась *власть* и *защита*

родной земли. Они были приравнены к объектам религиозного культа, в этом был смысл их *сакрализации*. Далее *священными* начинают называть *рубежи Родины*, бастионы и руины, связанные с историческими сражениями (например Малахов курган). Возникло выражение «семь чудес света» — своего рода экстраполяция религиозного термина на светский материал. В глубокой древности сакральный смысл приобрела звездная карта неба. Она, по мнению астрологов, влияет на судьбы людей, на земное пространство. Неслучайно храмы часто строились в соответствии с расположением небесных светил. Звезда Вифлеема вела волхвов к месту рождения Иисуса Христа. И сегодня мы говорим о «путеводной звезде». Звезды как сакральные символы вошли в гербы и пространство флагов, государственных и политических. Солярные знаки распространены по всей территории, заселенной арийскими народами (народами, говорящими на языках индоевропейской группы). В сознании частных лиц сакральный смысл могли получать дома, комнаты, предметы, связанные с глубокими личными переживаниями. Так постепенно расширялась сфера сакрального, охватывая все новые области.

Теперь пришло время для того, чтобы дать определение понятию сакрализации. Это выбор объекта, относительно которого мы испытываем сильные чувства, в основном любви, уважения, почтения, иногда страха перед его значительностью или могуществом. Это придание объекту высокой ценности. Наконец, это представление о неизменности или, по крайней мере, большой длительности существования почитаемого объекта. Родина священна потому, что мы ее любим, считаем жизненно важной для себя, и мы уверены, что она как существует уже тысячу лет, так и будет существовать второе тысячелетие, если не больше. *Сакральное* требует жертвы в виде нашего поклонения и преданности. Жертвы могут быть таковыми и в прямом смысле этого слова. Защищая родину, мы приносим в жертву лучших своих сынов. Если мы поступаем так, то, уж конечно, во имя какого-то весьма ценного и любимого нами предмета, каковым в данном случае является родина. Как и в религиозном жертвоприношении, жертва очищает нас, будничное исчезает, мы становимся сильнее и мужественнее. Наши грехи искуплены, мы омылись в священной купели, дух героев-предков возродился в нас. Перед нашим мысленным взором ясно обрисовались наши алтары — Куликово поле, Бородино, редуты Севастополя, Сталинград. Защита Отечества имеет большое значение в сакрализации родины. Уж если мы тратим столько сил и проливаем

столько крови, грудью заслоняя ее от врага, то, конечно, она этого заслуживает. В годы Отечественной войны было немало людей, которые закрыли глаза на мерзости большевистского режима, поставив родину выше всего. Правда, были такие россияне, которые поступили наоборот: они сражались в Русской освободительной армии. Но народ отнесся к ним с презрением.

Что же касается культурного пространства в единстве с пространством естественным, то в ходе государственного строительства, защиты родины, во время длительного пребывания за границей (вспомним, что Афанасий Никитин почувствовал себя патриотом русской земли во время многолетнего пребывания в Индии) — во всех этих случаях и в других мы под влиянием чувства начинаем воспринимать все или почти все, относящееся к родной земле, как священное. Иными словами, происходит полная сакрализация родины. В этой картине могут быть темные пятна: нам может не нравиться социальный порядок, или его отдельные стороны, или духовное оскудение народа, или низкий уровень материального благополучия, или даже климат нашего отечества. Когда действие этих факторов достигает определенной силы, начинается разрушение образа родины, ее десакрализация.

Если на протяжении тысячелетней истории христианской России в ней шел процесс сакрализации родины (впрочем, не всегда гладкий), то со второй половины XIX в. в нашей стране начался встречный процесс ее десакрализации. После Октябрьского переворота он пошел семимильными шагами. Сакральное не исчезло совсем, а переместилось на другие объекты.

Упадок представлений о родине как сакральном пространстве связан, прежде всего, с постепенным исчезновением религиозной веры, а с ней и веры во что бы то ни было. Сегодня в странах Запада остался лишь внешний образ религиозности, за которым не стоит искреннее чувство. Как было хорошо сказано в одной из передач Би-би-си, вместо христианства — одна лишь политкорректность. Что же касается большевизма, то он не пожалел усилий, чтобы выкорчевать и религию, и национальное чувство русских. К счастью, ему не удалось это сделать. Верующие остались, и в немалом числе. Но христианство как атрибут русского народа уже не существует, как нет его и в мире западных наций.

И вот появилось новое понимание родины — как пространства, где можно или нельзя заработать достаточно денег для поддержания «евростандарта». Мобильность населения, интенсификация международных связей позволили относительно легко менять родину.

Все жаждут попасть в «благополучные» страны, и многим это удастся. Одна немолодая интеллигентная дама сказала мне: «Моя дочь вышла замуж за майора американской армии, и я счастлива этим». В наши дни понятие «второй родины», не отсутствовавшее и ранее, становится все более распространенным.

Этому способствуют некоторые объективные процессы. Массовая культура в значительной мере безнациональна, крепнут экономические связи между различными странами, люди все больше путешествуют, растет *международный культурный фонд* (влияние английского как языка международного общения, словарь международных слов, общее в медицине, науке, градостроительстве). Постепенно внедряется понятие *международного сообщества*. А главное, растет власть транснациональных корпораций, международной финансово-промышленной мафии.

И вот заброшены алтари, догорают последние угольки в очагах. Но потребность в сакральном еще теплится даже в наиболее секуляризированной части человечества — евроамериканской. И церкви, памятники героям прошлого переосмысляются — они становятся памятниками истории и культуры. Понятия Бога, нации, родины блекнут и уходят на второй план, остается культура — понятие, которому придают все более широкий смысл — все созданное человечеством. Прометеевское мировоззрение требует признания сотворенного человеком высшей ценностью. В соответствии с запросами массы на первый план выходит материальная культура. Или, по крайней мере, материализованная культура, заметная издали, объемная, впечатляющая. Памятники культуры сакрализуются и образуют новое сакральное пространство. Столицы стран мира имеют рейтинг не по религиозной святости, а по числу и древности своих памятников. Национальное становится экзотикой. Памятники осматривает толпа туристов, их репродуцируют, снимают на киноплёнку и показывают по телевидению. Все это создает их «имидж». Как раньше надо было

побывать в Мекке или Иерусалиме, так сегодня надо посетить Барселону или Париж и привезти домой вашу фотографию на фоне Нотр-Дам или Эйфелевой башни.

Новое сакральное пространство — не сложившееся веками и относительно однородное и органичное пространство национальной жизни. Теперь в нем господствует смешение рас, культур, религий, мировоззрений. И чем быстрее оно, тем милее оно тем, кто заинтересован в быстрой и беспрепятственной переброске капитала из страны в страну, в скорейшей доставке сырья из страны, где оно добывается, в страну-потребителя. Для этого надо сделать «прозрачными» национальные границы, ослабить национальную идентичность. Правда, последнее не признается открыто.

Но во всех странах мира, и в частности в России, чувство родины не угасло в сердцах миллионов людей. Оно готово вспыхнуть перед лицом вопиющей несправедливости глобализма, несущего новые привилегии сильным и богатым и нищету и унижение обездоленным. Господа глобалисты не любят шутить: их войска уже расположились во многих частях света, за тысячи километров от мировых финансово-промышленных центров. Их самолеты готовы в любой момент подняться в воздух с грузом смертоносных бомб на борту. В этих условиях нам необходимо подумать об укреплении безопасности России. Нужны не только военно-оборонительные усилия, но и коренное оздоровление морально-политической обстановки в стране, борьба с коррупцией, с разверзшимся как пропасть социальным расслоением, с засильем полукриминальных и мафиозных структур. Необходимо повышение уровня российского самосознания, поддержка патриотических кругов российской общественности со стороны государства и СМИ.

Натиск глобализма сокрушителен, но велика и решимость патриотических сил народов мира отстоять национальный суверенитет и национальную самобытность. Давид снова готов сразиться с Голиафом.